

Девушка в длинной юбке, закрывавшей даже носки ботинок, и в теплой куртке, отороченной мехом по воротнику и рукавам, с растерянным выражением смотрела куда-то вдоль рельсов. Подметавший перрон мужчина давно наблюдал за ней исподтишка: девушка производила впечатление не совсем здоровой, и он опасался, что та бросится под поезд. К счастью, последний ушел час назад.

Девушка ходила по платформе туда-обратно и что-то бормотала под нос. Ее длинные русые волосы были заплетены в косу, которая слегка растрепалась, и девушка то и дело накручивала ее кончик на палец правой руки. Ее губы беспрестанно шевелились, точно произнося молитвы. Она то и дело поднимала голову и бросала взгляд на большие часы, укрепленные на стол-

---

Некоторые географические названия изменены

МАРИНА КРАМЕР

бе напротив входа в старенькое здание вокзала.

Не выдержав, дворник прекратил сметать сухие листья и подошел к девушке:

— Поездов больше не будет.

Она слегка отшатнулась, затем нахмурилась и спросила:

— Вы разобрали рельсы?

— Вы издеваетесь? — удивился дворник, заметив, что она не шутит, а лицо ее не озарилось улыбкой. — Конечно, нет.

— Тогда поезд обязательно придет, — уверенно произнесла она и продолжила измерять перрон шагами в одну и в другую сторону.

Убедившись, что девушка явно не в себе, дворник отошел к зданию вокзала и позвонил в пункт охраны порядка дежурившему там полицейскому. Однако когда медлительный лейтенант пришел на перрон, девушки там уже не было.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Москва

Тина Володина не любила, когда что-то в работе шло не по плану. Это всегда выбивало ее из колеи, заставляло нервничать и совершать досадные промахи. А промахи, как известно, ведут к более крупным последствиям, чего допускать, конечно же, не хотелось. Тем более что эту конкретную работу Тина считала делом чести, долгом, который она обязана отдать.

Сестра ее лучшей подруги Анны, Дарина, три с небольшим года назад оказалась в секте «Согласие», и там ей так эффективно промыли мозги, что Дарина перестала узнавать родных и знакомых, перестала откликаться на собственное имя, называла себя Майей и все время просила отпустить ее в Город Радости.

Анна выбилась из сил, разыскивая специалистов, которые могли бы помочь ей вернуть сестру к прежней жизни. Тина с мужем Вовчиком выгнали девушку из «Согласия», однако привести Дарину

в порядок никому не удавалось, и Анна закрыла ее в платное отделение хорошей психиатрической клиники. Однако стоило ей забрать сестру на собственную свадьбу, как Дарина буквально через пару дней исчезла, прихватив с собой минимум вещей и не оставив даже записки.

Тина считала себя виновной в том, что Яну Грязнову, называвшую себя Прозревшей, не привлекли к ответственности, не осудили. Вовчик отпустил ее, а, как оказалось, делать этого не стоило. Они же сами через год на Алтае увидели афишу, приглашающую на встречу с шаманкой Аюной, которая разговаривала с мертвыми, — и это оказалась Яна. Именно в этот день Тина пообещала себе, что найдет ее, так как не сомневалась — где бы ни была Дарина, она непременно окажется рядом с Прозревшей, потому что именно к ней рвалась все это время.

Анна, узнав об этом, принялась уговаривать подружку ничего не делать — она уже смирилась с тем, что потеряла Дарину навсегда, но Тина стояла на своем:

— Тут не только в Дарине дело. Я не выполнила того, что была должна, я ее не посадила, понимаешь? Не посадила эту Горгону, вот в чем дело! Если бы тогда не Вовка... я же соображала плоховато, меня прилично отлупили, в голове каша была, да и развивалось все быстро...

— Ты не оправдывайся, Тинка... ты и так много сделала, если бы не вы с Вовчиком, я бы вообще не узнала, где Дарина и что с ней.

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Что не отменяет моей вендетты! — раздувая ноздри тонкого носика, заявила Володина. — Я обязана, понимаешь, эту говорящую с мертвыми прищучить — пусть с живым прокурором разговаривает.

Они с Вовчиком рванули на Алтай, долго там присматривались и пытались найти следы шаманки или кого-то, кто мог бы вывести на нее, но безуспешно. Аюна словно растворилась после той встречи, афишу которой Тина сохранила.

— Может, оно и к лучшему, а? — муж тоже не особенно любил признавать поражение, но здесь, похоже, никакого больше результата получить было невозможно.

Яна Грязнова не была прописана нигде, шаманка Аюна больше никаких встреч не проводила — делать на Алтае нечего, можно ехать в Москву.

Но с тем, что так лучше, Тина смириться не могла. Дарина Царькова пропала три с лишним года назад, никаких следов до сих пор не удалось найти, ее объявили в розыск, но и он не принес результатов, словно девушка растворилась в пространстве. У Володиной болело сердце, когда она представляла, во что могла влипнуть психически нездоровая Дарина в поисках своего Города Радости, которого не существовало. Вовчик со свойственной ему непробиваемой прямоотой сказал однажды, что Дарины уже может не быть в живых, и Тина содрогнулась — Дарину она знала с самого рожде-

ния, вместе с Анной нянчила девочку, видела, как та растёт...

«Нет, этого не может быть. Не может — потому что так несправедливо. Анька не заслужила такого... она и так бесконечно винит себя в том, что случилось с сестрой, а если вдруг узнает, что Дарины больше нет, даже представлять не хочу, что с ней станется», — думала в такие моменты Володина, представляя, какой удар получит подруга, если вдруг...

Но верить в то, что Дарина мертва, пока не увидела ее тело или могилу собственными глазами Тина наотрез отказывалась. Вовчик только рукой махал, зная, что переубедить жену не сможет. Тина верила только фактам, только тому, что могла сама себе объяснить.

— Ты просто подумай, — уговаривал Вовчик, не особенно, правда, рассчитывая на успех, — ну, у этой аферистки наверняка есть еще один паспорт — или даже не один, и мы с большой долей вероятности никогда ее не найдем, потому что нет зацепок. Она могла поиграть в шаманку — и уехать за границу, например. Могла просто перестать дурить людям головы...

— Сам-то веришь? — перебила Тина, глядя в окно гостиничного номера на улицу, где шел дождь. — Можно подумать, ты не знаешь, что организаторы сект никогда не отказываются от своего занятия. Власть опьяняет — не ты ли мне это повторял? А теперь сидишь тут и утверждаешь,

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

что Грязнова, видишь ли, перестала душить людям мозги!

— Ну, во-первых, я лежу, — уточнил Вовчик миролюбиво, закидывая руки за голову, — во-вторых, в жизни бывает все — даже то, чего, казалось бы, не может произойти никак. А в-третьих, прекрати меня отчитывать.

Последняя фраза оказалась отрезвляющей — Тина развернулась и виновато посмотрела на мужа:

— Ты прав... прости, пожалуйста. Наверное, я слишком много личного вкладываю в это дело, эмоции мешают оценивать ситуацию трезво. Но ты ведь понимаешь, что я хочу помочь Анне...

— Тина, иной раз лучшая помощь — вовремя остановиться. Ты своими действиями поддерживаешь в Анне надежду на то, что ее сестра жива, а это процентов на девяносто девять не так.

— Вова!

— Ну что? Это объективная реальность. Ты сама говорила — Дарина может быть только рядом с Грязновой, у нее в голове ничего не осталось, кроме этих воспоминаний, так куда еще ей идти? Но мы с тобой перерыли здесь каждый угол, и что? Не нашли даже следов. Если Грязнова и работала здесь под шаманку, то все, финита — больше ее тут нет. Значит, и Дарины нет тоже. Если вообще была.

— Если вообще была... — эхом откликнулась Тина, глядя поверх головы мужа в стенку. — Да и как совершенно неадекватная девушка, называ-

ющая себя не тем именем, что у нее в документах, могла куда-то поехать?

— Ну ты слишком-то не горячись, не такая уж она неадекватная была, раз сообразила взять паспорт и деньги, — усмехнулся Вовчик, потягиваясь. — И денег, как Анна говорила, на той карточке было весьма и весьма...

— В тот момент Дарина была после больницы, могла оценивать обстановку адекватно. Но называла-то себя все равно Майей и Аньку считала чужой, Валерку не узнавала вообще, — возразила Тина, отталкиваясь от подоконника, на который опиралась, и возвращаясь в постель. — Это ж какой силы гипноз у Грязновой...

— А ты у меня спроси, я же с ней один на один общался, — Вовчик сгреб Тину в охапку, прижал к себе. — Глаза у нее... знаешь, пока она не начинает тебе в голову лезть, так и не скажешь — обычная баба. Но в какой-то момент зрачки расширяются так, что глаза начинают напоминать две черные ямы, кажется, даже белка в них нет, только вот эта черная пустота, и она тебя тянет, как в воронку.

Тина поежилась:

— Как ты вообще смог устоять?

— Старый испытанный трюк, сама ведь знаешь, — Вовчик усмехнулся. — Булавка в бедро, ты же сама меня научила. Честно скажу — даже это еле помогло, так что у неподготовленного человека вообще нет шансов, что мы и видим на примере Дарины.

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Может, подключить связи и в федеральный розыск ее объявить?

— Кого? Дарину или Грязнову?

— Да обеих... не понимаю, почему за столько времени полиция даже не пошевелилась, ведь Анна написала заявление.

— Тинка, ты как маленькая. Сама ведь там работала, знаешь — потеряшек с психическими отклонениями искать сложно, таких «висяков» пруд пруди. И я тебе честно скажу, можешь обижаться, но это дело превратило тебя в одержимую упрямую фанатичку. Ты сейчас ничем не лучше последователей Грязновой — такая же перекрытая.

Тина освободилась от объятий мужа и села, развернувшись к нему лицом:

— Куцин, ты нормальный, а? Это моя работа!

— А еще это твоя подруга, и это делает твою работу уже не работой, а вендеттой, сама говорила. Но так нельзя. Мечь — не лучший помощник в таком деле.

— Я не собираюсь ей мстить, лично мне сама Грязнова ничего не сделала. Если честно, где-то глубоко мне ее даже жаль — несчастная женщина. Ты вспомни, как она убивалась по мертвому Зобову... ее это совсем сломало.

— Ну, выходит, не совсем, раз она продолжила свои занятия.

— А что она еще умеет, сам посуди?

— Так, все! — отрезал вдруг Вовчик, решительным жестом откидывая одеяло и вставая. — Я боль-

ше не могу. Мы сегодня же уезжаем из Барнаула домой, в Москву. Ты прекращаешь все эти поиски и берешься за какое-то другое дело, благо их достаточно. Все, Валентина, я сказал!

Валентиной муж называл ее только в ситуациях, которые вызывали у него крайнюю степень раздражения, и Тина мгновенно понимала, что сейчас лучше не перечить и сделать так, как он сказал.

Довольно мягкий Вовчик, носивший с незапамятных времен прозвище Добрыня, мог иной раз проявить такую твердость в отношении любимой жены, что та начинала сомневаться, хорошо ли знает человека, за которого вышла замуж.

— Ну что ж.. в Москву, так в Москву, — пробормотала она, признав поражение.

После небольшого отпуска, который, по настоянию Вовчика, они провели в еще несезонном Сочи, Тина вернулась к работе.

В агентство обратилась женщина, дочь которой пропала. Не сказав никому ни слова, успешный дизайнер интерьеров Оксана Евсеева продала квартиру в центре Москвы и исчезла в неизвестном направлении. Никто из знакомых не знал, куда она могла отправиться, а банковская карта оказалась заблокирована. Телефон же обнаружился спустя несколько месяцев в квартире матери, в старых вещах на антресолях — буквально за день до исчезновения Оксана заезжала к ней и оставила круп-

ную сумму денег, сказав, что получила гонорар за работу. Полиция завела дело, но вскоре безутешная мать получила уведомление о том, что дело закрыто за отсутствием состава преступления, а Оксана была объявлена пропавшей. Мать кинулась в поисковые организации, но и там помочь не смогли. Ирина Петровна в отчаянии обратилась к Тине, ни на что уже особенно не надеясь.

Володина смотрела на убитую горем женщину и не могла поверить, что той всего пятьдесят три года — выглядела Ирина Петровна старушкой, давно махнувшей на себя рукой. Год безуспешных поисков дочери убил в ней интерес к жизни, и теперь она хотела только одного — найти дочь в какой-то секте либо получить подтверждение тому, что Оксана мертва.

— Понимаете, мне бы хоть похоронить ее по-человечески, и тогда можно умирать самой, — бесцветным голосом говорила она, сидя в кресле перед Тиной и беспрестанно теребя в руке белый платочек. — Это ведь ужасно — такое неведение... я спать не могу, есть не могу... я с работы ушла, постоянно езжу в морги и пытаюсь найти ее среди неопознанных тел...

— Давайте прежде всего успокоимся, — мягко попросила Тина, протягивая женщине стакан воды. — Пока Оксаны нет среди мертвых, нужно верить, что она жива. У вас сохранились какие-то ее вещи? Может, она приносила какие-то брошюры, книги? Обычно те, кто уходят в секты, сперва

много читают, изучают ту литературу, что используют сектанты для вербовки своих последователей.

Ирина Петровна наморщила лоб:

— Мне нужно посмотреть дома... Ксана часто ко мне приезжала, я ведь одна живу... Она привозила деньги, иногда покупала дорогие продукты... она же хорошо зарабатывала, а жила одна.

— Личная жизнь не сложилась? Ей ведь всего двадцать семь лет, — спросила Тина, делая пометку в блокноте.

— У нее был мужчина... но дело в том, что... — Ирина Петровна замялась, и Володина поняла, что мать не хочет говорить о подробностях романа дочери.

— Ирина Петровна, я это не из праздного любопытства спрашиваю. Женщин, у которых в жизни что-то не так, всегда легче запутать, заманить, предложить альтернативу. Поэтому я бы вам советовала рассказывать все честно, если мы хотим найти Оксану.

Женщина вздохнула, снова затеребила платок:

— Понимаете... он... он старше ее...

«И, разумеется, женат, — закончила про себя фразу Тина. — Довольно распространенная история».

— Они познакомились, когда Ксана делала дизайн-проект его квартиры. Сперва просто подвозил домой вечером, потом пригласил в ресторан, в театр... Ремонт затянулся, он жену с сыном отправил за границу, стал более настойчив в ухажива-

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

ваниях, клялся, что разведется, — Ирина Петровна всхлипнула и сделала глоток из стакана. — Знаете ведь, как это бывает... жену, мол, не люблю давно, живем только ради сына, видимость, а не брак... он красивый мужчина, взрослый, состоятельный, с положением, в банке работает... а Ксана... молоденькая, доверчивая... Ну, вот и...

— Встречались они у нее?

— Да. У Ксаночки была хорошая квартира на Ордынке, она там сама ремонт сделала... это моих родителей квартира, досталась ей в наследство. Там и встречались. Но вы только представьте — все праздники она одна, потому что он с семьей, в отпуск — одна, редко-редко, если Артур мог вырваться с ней на несколько дней... как же так можно жить? Она пыталась от него уйти, но Артур на коленях ползал, умолял подождать немного. Она каждый раз верила, все ждала, что вот-вот... а он, конечно, не спешил — развод же дело хлопотное, все эти разделы имущества... а делить там есть что. И в какой-то момент Ксану словно подменили, понимаете? Она как будто в себя ушла, замкнулась... ко мне стала реже приезжать, долго не засиживалась, о себе ничего не рассказывала. А ведь раньше мы с ней как подружки были... Но потом вдруг словно ее опять подменили — стала какая-то грубоватая, нахальная, что ли... Вела себя не так, как обычно, стала иначе краситься... Я пыталась с ней поговорить, но Оксана только отмахивалась — мол, отстань, мама, нельзя всю жизнь быть серой

курицей, жизнь яркая, надо только уметь самой ее раскрашивать... — женщина снова всхлипнула.

Тина насторожилась — именно с таких перемен и начинается уход в секту: человек словно погружается в себя, прислушивается к внутреннему голосу, начинает отдаляться от всего, что его окружало прежде и было дорого, потому что им овладевает другая идея, другая цель, и все, что связывало его с прежней жизнью, вызывает только отторжение.

Не укладывалось в привычную схему только последующее преобразование Оксаны, но человеческая психика всегда по-разному реагирует на стрессы и неудачи.

— А вы не знаете, в каком банке работает Артур? — спросила она, подумав, что непременно нужно расспросить этого человека об Оксане и о том, что происходило с ней в последнее время.

— Знаю. Он управляющий в банке «Восход». Фамилию Ксаночка не называла, она меня с ним даже не знакомила, только фотографии показывала, — вздохнула Ирина Петровна. — Да я и не настаивала, понимала, что не будет ничего хорошего... только вот Ксана мне запретила на эту тему говорить, сказала — не лезь в это, мама, сама разберусь...

«Ну, имя есть, название банка тоже, разберемся как-нибудь, — подумала Тина, записывая информацию в блокнот. — Может, он знает больше, чем мать, может, Оксана делилась с ним, рассказывала что-то».

— Правда, я ему звонила после того как она... Нашла телефон в ее записной книжке, куда Оксана записывала рабочие контакты и контакты клиентов. Имя-то не очень распространенное... Позвонила, хотела узнать, не в курсе ли он, где Оксана. Он удивился, сказал, что давно ее не видел, — продолжала Ирина Петровна бесцветным голосом. — И мне показалось, что он не соврал, очень уж искренне удивился. Его потом и следователь допрашивал, но, кажется, тоже ничего не смог узнать. Наверное, он действительно был ни при чем...

— А подруги? Ведь были у нее какие-то знакомые, те, с кем она работала?

Ирина Петровна покачала головой:

— С тех пор как появился Артур, Ксана перестала общаться с кем-то еще. Все ее время было отдано ему — то ждала, то была вместе с ним, не хотела отвлекаться на подруг.

— Что — совсем никого не было? Даже задушевной подруги?

— Если только Лика... Анжелика Морозова. Они учились вместе, Лика тоже дизайнер, загородные дома оформляет. Но мне кажется, что и с ней в последнее время Ксана не общалась. Лика заходила ко мне несколько раз, после того как Ксана пропала, — Ирина Петровна снова всхлипнула и поднесла платок к глазам.

— Мне нужен ее телефон или адрес, я должна с ней встретиться.

— Да, конечно...

МАРИНА КРАМЕР

— И еще. Вы сказали, что телефон Оксаны нашелся в вашей квартире. Мне он тоже понадобится, когда могу его взять?

— Да когда хотите, я ведь дома теперь сижу...

— Тогда я подъеду сегодня ближе к вечеру. А вы постарайтесь вспомнить каждую деталь последнего разговора с Оксаной. Я понимаю, что это трудно, прошло время, да и воспоминания не из приятных, но нам это очень поможет в поисках, — сказала Тина, закрывая блокнот.

Когда женщина ушла, Володина села к компьютеру и начала искать страницы Оксаны Евсеевой в социальных сетях, не особенно, правда, надеясь на успех. Как правило, собираясь порвать с прошлой жизнью, люди удаляют все, что может о ней напоминать, и начинают именно с соцсетей.

Тина нашла несколько Оксан Евсеевых, но под описание подходили только три, и лишь одна из девушек последний раз появлялась в сети год назад, остальные вели активную интернетную жизнь. Фотографию Оксаны мать принесла, Тина посмотрела ее и отложила на угол стола, однако, уходя, женщина, видимо, машинально прихватила ее с собой, и теперь Володина жалела, что не уделила снимку должного внимания.

«Теряешь хватку, подружка, — бранилась она мысленно. — Вовчик прав — нужно заниматься другими делами и хотя бы на время выкинуть из головы Дарину, иначе все пойдет прахом».

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

Дверь открылась, и в кабинет ввалился Вовчик, на ходу засовывавший в карман куртки телефон:

— Привет. Ну что, как наши дела?

— Дела есть, — отозвалась Тина, сжимая пальцами переносицу. — Не нависай надо мной, я теряюсь, — попросила она, когда муж обошел стол и, положив руки на спинку кресла, попытался заглянуть через ее плечо в экран монитора.

Кущин фыркнул:

— Не умеешь ты концентрироваться, — однако от стола отошел, уселся на диван у окна, закинув ногу на ногу. — Рассказывай.

— Значит, смотри, что мы имеем. Оксана Михайловна Евсеева, двадцать семь лет, москвичка, дизайнер интерьеров. Не замужем, но имеется кавалер в лице женатого управляющего банком «Восток» по имени Артур. Фамилии не знаю, еще не успела посмотреть. Встречались около двух лет, тут все стандартно — дурил мозги, обещал развестись, но... Из родных — только мать, из подруг — Анжелика Морозова, однокурсница, тоже дизайнер. Пропа-ла год назад, продала квартиру на Ордынке, банковский счет заблокирован, телефонный аппарат нашла мать в старых вещах в собственной квартире. Накануне исчезновения Оксана приезжала к ней, оставила крупную сумму денег, но никаких разговоров о продаже квартиры или о том, что собирается куда-то уезжать, не было. Одно время вдруг приободрилась: начала ярко краситься, вызываясь одеваться, а незадолго до случившегося

стала замкнутой, перестала общаться с кем бы то ни было, даже с матерью. В общем, пока все. Я нашла единственную страницу в соцсетях: Оксана заходила туда год назад.

— Не так много, как хотелось бы, — заметил Вовчик, взъерошив пятерней густую русую шевелюру.

— Ну было бы хорошо, если бы она оставила подробный адрес, — согласно кивнула Тина, — только вот, дорогой мой, тогда мы с тобой бы сейчас об этом не разговаривали.

— И какой у нас план?

— Сделаем так. Я сейчас поищу что-то об этом Артуре и постараюсь с ним встретиться. Вечером мне нужно забрать у матери мобильник Оксаны. Тебе достается приз в виде Анжелики Морозовой, вот телефон, — она подвинула на край стола листок, на котором Ирина Петровна неровным почерком написала номер подруги дочери. — Попытайся выудить из нее все, что возможно, о жизни Оксаны — такое, о чем может не знать мать. И все, о чем Оксана ей рассказывала в последнее время. Может, упоминала о каких-то новых знакомых, о мероприятиях, которые посещала, — словом, все, что может натолкнуть нас на какой-то след.

— Понял, принял, — кивнул Вовчик, дотягиваясь до листка и убирая его в карман. — Ужина, я так понимаю, сегодня не будет?

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Закажем что-нибудь. Так, все, ты поехал, а я в интернет, — Тина придвинула к себе клавиатуру, давая понять мужу, что и ему пора работать.

Добрыня послушно поднялся, чмокнул жену в щеку, но она, похоже, этого даже не заметила, погруженная в строчки на мониторе, и пошел к выходу.

Анжелика Морозова оказалась худой высокой блондинкой модельной внешности, одетой в дорогой брючный костюм кораллового цвета, сидевший на ней с небрежным шиком. К месту встречи она подъехала на красном «порше», вальяжно забросила ключ в объемную сумку, болтавшуюся на локте, и, сняв темные очки, оглядела стоявшего на крыльце ресторана Добрыню. Он специально выбрал место ближе к дому, где раньше находилась квартира Оксаны, надеясь, что подруга расскажет и об обстоятельствах продажи квартиры.

— Вы Владимир? — спросила Анжелика, приближаясь к нему.

— Да. А вы, выходит, Анжелика?

— Зовите меня Ликой, так короче. О чем вы хотели поговорить, я не очень поняла по телефону?

— Давайте для начала кофе выпьем, не возражаете? — Кущин галантно распахнул дверь и пропустил девушку вперед. — Выбирайте столик.

Лика с хозяйской уверенностью двинулась по залу, совершенно не обращая внимания на взгля-

МАРИНА КРАМЕР

ды, которыми ее провожали сидевшие за столиками мужчины — было время ланча. Остановившись у стола перед окном, она бросила сумку на диван и изящным движением опустилась на сиденье, поправив чуть разъехавшиеся полы пиджака. Вовчик устроился напротив и заметил:

— Похоже, вы тут не впервые.

— Да, это мой любимый ресторан, мы тут часто с подругой отмечали гонорары.

— А подругу вашу, случайно, не Оксаной зовут?

Лица слегка опешила:

— Да... но откуда...

— Вот об Оксане я и хотел с вами поговорить, — Вовчик взял из рук официанта меню, пробежал глазами и заказал большую чашку латте.

— Об Оксане? — чуть удивленно переспросила Лица. — Но... разве вы не знаете, что она пропала год назад?

— Именно потому я здесь.

— Так вы из полиции? Но дело же закрыто, мне Ирина Петровна сказала.

— Нет, я не из полиции, я частный сыщик.

Лица сделала заказ и покачала головой:

— Неужели Ирина Петровна все еще на что-то надеется?

— А вы?

— А что я? Будем реалистами, Владимир. Человек год не подает никаких вестей — что это может означать?

— Что угодно.

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

Ли́ка пожала плечами:

— Ну, не знаю... мне кажется, будь Оксана жива, она бы не стала так с матерью поступать, согласитесь, это очень жестоко.

— Бывают разные обстоятельства. Но давайте поподробнее об Оксане. Вы часто с ней виделись?

— Мы дружили с первого курса, даже пытались открыть вместе дизайнерское бюро, но, к счастью, быстро поняли, что куда лучше просто дружить, чем вести совместный бизнес. Разделили бюро пополам: у нее свои заказчики, у меня свои. И продолжили просто общаться, как раньше.

— А что случилось? Бизнес не пошел? — спросил Вовчик, наблюдая, как официант ставит перед ними чашки кофе и сахарницу с крошечными щипцами.

— Бизнес-то пошел, но каждая хотела быть главной, понимаете? И потом... Оксанка квартирами занималась, к ней обращались чаще, чем ко мне, но у меня работа стоила дороже, — помешивая ложечкой напиток, сказала Ли́ка. — И всякие рабочие моменты... словом, мы вовремя поняли, что нужно разбежаться, чтобы сохранить дружеские отношения, вот и все. Ссор не было, мы все конструктивно обсудили и договорились. Оксана вообще человек миролюбивый, не взрывной, с ней легко договариваться было.

— Она хорошо зарабатывала, я так понял?

— Да. Она делала дизайн-проект и потом осуществляла весь надзор, так что выходила при-

МАРИНА КРАМЕР

личная сумма. Ну и вы ведь понимаете, что люди, которые хотят сделать ремонт на скорую руку, не обращаются в дизайнерские студии.

— И вы, значит, в этот ресторан ходили отмечать успехи? — Вовчик сделал глоток и зажмурился — кофе оказался горячим и очень вкусным.

— Да. Нам обеим здесь нравилось. А Оксана жила неподалеку, ей квартира досталась от бабушки, мы потом туда перемещались, я ночевать оставалась, чтобы домой через всю Москву не ехать. Я в Алтуфьево живу, — объяснила Лика.

— Чего же в центр не перебрались?

— Не люблю суету. Никогда не понимала этого стремления непременно обосноваться в центре всего.

«Интересно, какое впечатление производит твой пижонский «порше» на жителей спального района?» — подумал Вовчик.

— Скажите, Лика, а вы знакомы с женщиной Оксаны?

— С Артуром? Да. Мерзкий типок, честно говоря, хоть и денежный.

— В чем это выражалось?

— Да во всем. Жлоб, одним словом. Водил Оксанку за нос, вешал лапшу на уши, обещал развестись, — Лика передернула плечами. — А сам по сторонам глазами шарил — типичный бабник. Я ей пыталась об этом сказать, но Оксанка сразу в штыки это принимала — мол, ты завидуешь. Чему там было завидовать? Денег он ей не давал, встречались

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

они в ее квартире. Куда-то вместе выйти он боялся — вдруг жене донесут? А Оксанка, как загипнотизированная, твердила, что он непременно разведется и будет с ней. Нет, я понимаю, влюбилась, надеялась... Но надо же трезво на все смотреть. Если мужчина за год встреч не сделал никаких попыток быть вместе, то глупо ждать дальше. И, мне кажется, в какой-то момент до Оксаны это тоже дошло. Она попыталась с ним порвать, приехала как-то ко мне, ревела белугой — мол, люблю его, жить без него не могу, а он все юлит, тянет. Неделю у меня жила, скрывалась, на звонки не отвечала.

— А он звонил?

— Звонил, — усмехнулась Лика, аккуратно возвращая чашку на блюдце. — Сами подумайте — кому хочется терять такую удобную любовницу? Денег не требует, в свет с ней выходить не надо, в любой момент позвони — она ждет, готова к встрече, накормит, напоит, спать уложит — даже на отель тратиться не нужно. Она ведь даже кулинарную школу закончила, чтобы ему разную экзотику готовить, — в голосе девушки сквозило раздражение. — Ну как можно настолько себя не ценить? Она ведь красивая, умная, у нее могло быть все, чего только можно желать, а она вцепилась в этого Артура...

— Вы же сказали, она хотела от него уйти, — напомнил Вовчик, и Лика пожала плечами:

— Хотела, но что толку в том хотении? Как только он ее выследил и на колени упал среди улицы,

МАРИНА КРАМЕР

она и потекла. Позёр несчастный... такой дешёвый трюк, я бы ни за что не купилась, а Оксанка...

«Да, ты определенно знаешь себе цену, тебя таким фортелем вряд ли удивишь», — внутренне согласился Кущин.

— И она вернулась?

— Конечно! Я с ней месяц вообще не разговаривала, но что толку? Это же Оксана — она ради своего Артура вообще на себя забила.

— Скажите, Лика, Оксана в последние полгода перед исчезновением не говорила вам о каких-то новых знакомых? Может, появился кто-то?

Лика наморщила лоб и забарабанила по столешнице длинными ногтями.

— Знаете... знакомых вроде бы не появилось, но она стала странно много говорить о природе.

— О природе? — насторожился Вовчик. — А что именно?

— Что-то про деревья... как же... хвойное что-то... вертится в голове название, а вспомнить не могу. Не елка, не кедр...

— Пихта? — подсказал Кущин, и Лика обрадовалась:

— Да! Точно — пихта! Оксана где-то брала пихтовое масло, пила его и меня пыталась заставить. У нее квартира пахла как лесопилка... кругом какие-то ветки, флаконы с маслами... она мне на Новый год подарила, кстати, я его держу на балконе — выбросить жалко, флакон красивый, а запах... — она сморщила нос.

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Лика! — прижав к груди руки, проникновенно попросил Вовчик. — Я вас умоляю — отдайте флакон мне, а?

— Зачем? — удивилась девушка.

— Пока не знаю... но вдруг это какой-то ключ к исчезновению Оксаны, а?

— Да забирайте... просто странно — как пихтовое масло может помочь ее найти?

— Я обещаю, что потом непременно вам расскажу. А больше ничего она вам не давала? Книжки, брошюры? Может, она ходила на какие-то собрания?

— Никуда она не ходила, сидела дома и ждала, когда ее прекрасный Артурчик соизволит навеситить, — снова безразлично сморщилась Лика.

— А она вам не говорила, что собирается квартиру продавать?

— Нет. Я вообще обалдела, когда от Ирины Петровны об этом узнала. Оксана так любила эту квартиру, такой ремонт там закатила... Это картинка была журнальная, а не жилье — все продумано, каждая мелочь на своем месте, такой интерьер — за-качаешься. У Оксаны хороший вкус был, она пространство отлично чувствовала, никогда ничего лишнего, все четко. Детали очень любила, мелочи всякие — ну, такое, знаете, что придает неуловимое очарование. Убери какой-нибудь фужер или вазочку — и все, идеальная картина рухнет.

Вовчик отметил, что Лика говорит о таланте подруги совершенно без зависти, просто констатирует факт, признает — и все. Редкое умение для

женщины — не завидовать чьему-то успеху или таланту.

— А сколько примерно могла стоить ее квартира, как вам кажется?

— Много. Во-первых, центр, дом сталинской постройки, потолок три метра, этаж хороший, двор закрытый. Ну и ремонт — заезжай и живи, мебель прекрасная, вся техника хороших фирм, ванная — вообще сказка. Думаю, она хорошую сумму выручила.

«Надо попытаться найти договор купли-продажи, там ведь и фамилия покупателя имеется».

— Я думаю, она квартиру через Ритку продала, — вдруг произнесла Лика, словно услышав его мысли.

— А кто это — Ритка?

— Старшая сестра одной нашей однокурсницы, она риэлтор. К ней всегда обращались, если нужно быстро что-то продать или купить. Ритка еще с девятых работает, прожженная такая... Ей сейчас за пятьдесят, но ее иначе как Риткой никто не звал никогда. Ну, увидите — поймете, — усмехнулась Лика. — Я вам телефон напишу, агентство «Квартал», она там генеральный директор.

— Спасибо, Лика, это мне очень поможет.

— Если у вас нет больше вопросов... — Лика демонстративно посмотрела на крошечные часики. — У меня еще встреча с клиентом.

— Да, конечно. Я могу вам позвонить, если что-то будет нужно?

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Разумеется. Если я что-то вспомню... да, флакон-то! — вспомнила девушка. — Вы можете завтра подъехать на Якиманку часов в одиннадцать утра? Я там встречаюсь кое с кем, могли бы пересечься, и я отдам.

— Договорились, завтра в одиннадцать на Якиманке, — Вовчик подозвал официанта и попросил счет. — Лика, а на каком этаже была квартира Оксаны?

— На четвертом.

— Спасибо вам. И до встречи.

Девушка поднялась, одернула пиджак и, подхватив на локоть сумку, быстрым шагом направилась к выходу. Вовчик в окно видел, как она села в машину и выехала с парковки.

Он повертел в руках листок с телефоном риэлтора и решил, что позвонит прямо сейчас — чего тянуть? Агентство «Квартал», если верить карте, находилось не очень далеко.

Тина долго изучала тот раздел сайта банка «Восток», где перечислялись руководство и сотрудники. С фотографии на нее смотрел красивый мужчина лет сорока с пышной шевелюрой и уверенным взглядом.

Артур Летинский наверняка нравился многим женщинам: в его внешности было что-то очень привлекательное и внушающее доверие. Немудрено, что молодая девушка влюбилась: по-человечески это было понятно. Тине такой тип мужчин

не нравился, но и она признала, что Летинский мог бы заинтересовать даже ее.

Она внимательно изучила его расписание и решила, что постарается перехватить его на улице, чтобы он не чувствовал себя хозяином положения, сидя в своем кабинете. Значит, нужно будет подъехать к шести часам и подождать Артура на крыльце. Потом, правда, придется ехать в Нахабино к матери Оксаны, а это значит, что домой она попадет не раньше десяти, а то и позже, но ничего не поделаешь.

Пока она продумывала, как вести себя с Летинским и с чего начинать разговор, позвонил Вовчик:

— Тинка, ты еще в агентстве?

— Да. Поеду в банк к шести, а что?

— Хотел отчитаться о встрече с Морозовой.

— Ну, так не сдерживайся.

— Короче, мне кажется, есть какой-то слабенький следок, намекающий на то, что дело стопроцентно наше. В последнее время Евсеева начала много говорить о природе и увлекаться пихтовыми маслами и прочей лабудой. И знаешь, о чем я сразу подумал?

— Нет. О чем?

— Евдокийцы.

— Кто? — переспросила Тина, записывая слово в блокнот.

— Евдокийцы, дорогая, последователи учения о сибирских пихтах. Так и называется — Пихтовый толк. Мол, если засадить всю планету пихтами, то

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

будет всем счастье. Пихта — легкие планеты, пихтовое масло — кровь планеты и вот это все. Культ относительно новый, ему года два всего. Базируются где-то в тайге — ну, логично.

— Тайга большая, Вов...

— Да это неважно, можно поискать, это не так сложно. Возглавляет эту секту мужик по имени Иван, но поклоняются они светлейшей матушке Евдокии. Матушку, что характерно, никто не видел, возможно, это просто фантом, а вот Иван Шлыков легко гуглится, и фотографий его полно. Типичный старообрядец — борода, длинные волосы, голубые глаза. Кстати, мужик вполне привлекательный и молодой, лет тридцать пять — сорок, не старше. Так вот Иван этот ездит с проповедями, вербует последователей и проповедует от имени светлейшей матушки. Лика мне сказала, что Оксана ей подарила флакон пихтового масла, так вот я думаю, что можно попытаться по этому флакону вычислить место, где они базируются. Флакон фабричный, наверняка есть какая-то этикетка, можно поискать завод, где такие делают, и от этого уже танцевать.

— Интересная мысль... это все?

— Лика дала телефон риэлтора, через которую Оксана могла продать квартиру, я хочу поехать и поболтать с дамой, вдруг что выгорит?

— Хорошо. Тогда я пока посижу в интернете, прочитаю про этих евдокийцев, может, что-то в голову придет.

К ее удивлению, информации о евдокийцах оказалось мало, буквально какие-то крохи, а вот фотографий Ивана Шлыкова действительно нашлось предостаточно.

Тина всматривалась в монитор, и ей даже начало казаться, что прежде она где-то видела этого русоволосого бородача с глазами, похожими на чистые озера.

«Такие глаза лгать не могут», — всплыла в голове фраза, вычитанная когда-то давно в известной книжке.

Глаза Ивана Шлыкова внушали доверие, да и лицо его совершенно не подходило создателю культа — какое-то слишком мягкое, открытое, простое, даже безвольное. Нет, этот человек не мог возглавлять секту евдокийцев, хотя малочисленные статьи утверждали обратное и называли «батюшку Ивана» проводником и мессией.

— Не похож ты, батюшка Иван, на человека, способного управлять другими, — бормотала Тина, двигая курсор по строчкам очередной статьи. — И вот этот бессмысленный бред тоже не твоего пера работа. Любой эксперт скажет, что тексты женские, мужчины немного иначе строят фразы. Наверняка за твоей спиной стоит какая-то женщина и наговаривает тебе вот такое — «пихта мыслит, чувствует, слышит и испытывает желание» или «болезни тела приходят к тем, кто отошел от природы, и к тем, кто испытывает темные чувства и транслирует черные мысли». Господи, а это что еще за

чушь? «Со временем человек, верующий в Пихтовый толк, переместится на другие планеты вместе с частью атмосферы и будет процветать там», — Тина захихикала — перлы, достойные внимания психиатра... «Жизнь есть бодрствование, а смерть есть сон» — ну конечно...

Она отлично знала, что именно на такой бред лучше всего попадают люди с высшим образованием, а то и с двумя, те, кто пытается найти самовыражение в чем-то ином, нежели имеющиеся профессии. Люди ищут свое место, свое предназначение, и если на их пути вдруг встречается такой вот «проповедник», легко устремляются за ним, радуясь, что обрели себя. И чем проще и глупее будут «истины», изрекаемые «проповедником», тем больше последователей он обретает в среде «умных» людей, каким бы странным это ни казалось окружающим.

Еще, читая редкие отрывки учения светлейшей Евдокии, Тина заметила, что та никак не касается вопроса религии. Она вообще не затрагивает такие темы, лишь однажды уронив, что «все религии преходящи, рано или поздно они канут в небытие вместе с иконами, книгами и храмами». Батюшка Иван в своих речах тоже всячески упирал на то, что его последователи могут исповедовать любую религию и никаких ограничений на это в их поселениях не существует.

Продолжив чтение, Тина наткнулась на еще более забавное, на ее вкус, утверждение о том, что

МАРИНА КРАМЕР

светлейшая матушка пропагандирует «экологичные знакомства с мужчинами» — эта фраза вызвала у Володиной взрыв хохота:

Господи... «экологичные знакомства» — это как вообще? Такое впечатление, что любимая книга матушки — Желтые страницы, раздел «Все сауны и бани России»... Где еще можно знакомиться «экологично»? Надо Вовке это прочитать, пусть посмеется...

Кущину было не до смеха. Он решил не звонить владелице агентства «Квартал», а поехать туда сразу, о чем теперь горько жалел.

Сперва он тащился в огромной пробке, изнывая от духоты и невозможности вырваться из плотного потока машин, затем долго колесил вокруг здания, в котором располагалась риэлторская контора, пытаясь найти место для парковки.

Это оказалось задачей невыполнимой, потому он плюнул и подпер какую-то старенькую «мазду», рассчитывая, что ее хозяин не очень будет торопиться уехать. Для очистки совести Добрыня сунул под «дворник» карточку с номером мобильного и просьбой позвонить и направился к входу в здание. Там его ждал очередной сюрприз в виде турникета и сурового вида охранника рядом, грозно затребовавшего пропуск.

— Мне к риэлторам, — попытался прорваться Кущин, но был остановлен резким жестом и окриком:

ГОРГОНА С ПИХТОВОЙ ВЕТКОЙ

— Пропуск!

— Нет у меня пропуска, я в первый раз.

— Звоните, — охранник подвинул ему телефон.

Кущин принялся рыться в карманах, пытаясь найти визитку, которую дала Морозова, но, видимо, выронил ее где-то у машины. Пришлось признаться:

— Номера не знаю.

— А к кому идете — знаете?

— К Маргарите... эээ... — заблеял Вовчик, поняв, что не спросил у Лики даже фамилию ее знакомой. «Вот же лошара... ну как так-то?!»

— А-а, к Ритке, что ли? — оживился охранник. — Ну и говорил бы сразу, — красный крестик на турникете сменился зеленой «галочкой». — Проходи, пятый этаж.

Кущин покачал головой и пошел к лифту.

«Похоже, эта Маргарита тут личность известная. И зовут ее действительно Риткой — даже охранники».

Риэлторское агентство «Квартал» занимало весь пятый этаж, множество одинаковых дверей с табличками и ни одной открытой. Кабинет Маргариты Тархановой оказался в этой череде самым последним.

«Ну конечно!» — фыркнул про себя Кущин, постучав костяшками пальцев в темно-коричневое полотно двери.

— Да! — раздался хриплый женский голос. — Входите!

МАРИНА КРАМЕР

— Здравствуйте, Маргарита! — раскатисто рявкнул Вовчик, входя в кабинет.

Тарханова сидела у окна за большим столом, держа в зубах «беломорину» — в кабинете стелился сизый дым, и у некурящего Кущина защипало в глазах.

— Вы ко мне? — не выпуская папиросу, спросила женщина.

Он закивал:

— К вам.

— Что привело? Купить, продать, снять? Жилое, нежилое?

От напора Кущин слегка растерялся — он не заготовил легенду, потому бухнул сразу:

— Мне поговорить бы.

— Самое время, ага, — саркастически отозвалась Маргарита. — Нормальные люди домой собираются, мои, поди, все разбежались уже. Ну присаживайтесь, раз уж вошли.

Вовчик потянул к себе стул.

— Минутку подождите, я закончу тут...

Тарханова, стряхнув пепел в переполненную окурками пепельницу, что-то быстро набирала на компьютере.

Вовчик принялся рассматривать ее и пришел к выводу, что иначе, как Риткой, называть эту женщину было невозможно. Коротко стриженные чуть вьющиеся волосы местами были окрашены в самые безумные цвета — от фиолетового до зеленого, кое-где торчали просто седые клочки. Бро-

ви, видимо, когда-то тонко выщипанные по моде, сейчас были просто нарисованы черным карандашом — Вовчик даже представил, как именно Тарханова делает это утром, поплевав на кончик и наугад нарисовав «домики» там, куда рука достала. Остатки помады морковного цвета придавали морщинистому лицу комичное и странное выражение. На шее женщины висело какое-то индейское кольцо из медных монет, перьев и бусин, свободная льняная блуза коричнево-красного цвета намекала на любовь хозяйки к бохо и этнике. Пальцы рук, летавшие по клавиатуре, украшали массивные кольца с камнями, а запястья — тяжелые серебряные браслеты с бирюзой и янтарем.

«У меня, похоже, глаз дергается от такой красоты, — думал Вовчик, рассматривая все это. — Давно подобного не видел. Не так я риэлтора представлял, вообще не так...»

— Ну-с, молодой человек, о чем говорить будем? — вывела его из раздумий хозяйка кабинета.

— Скажите, Маргарита... эээ...

— Не надо, просто Рита.

— Владимир, — спохватился Кущин и даже немного привстал со стула. — Так вот, скажите, пожалуйста, Рита, к вам обращалась по поводу продажи квартиры на Ордынке некая Евсеева Оксана?

— Ксанка-то? — Тарханова вставила в угол рта новую папиросу и закурила. — Было дело. Дайте подумать... что-то около года назад, кажется. А вам зачем?

Пришлось положить на стол удостоверение частного детектива.

Тарханова долго изучала его, кажется, даже понюхала и, вернув, вздохнула:

— Мать никак не угомонится?

— То есть вы в курсе, что Евсеева исчезла?

— Ну а кто не в курсе? Я сразу поняла, что у нее с головой что-то случилось, когда она такую шикарную хату выставила на срочную продажу за половину цены.

— Как это?

— А вот так. Пришла и говорит: «Ритка, ты можешь быстро продать мою квартиру?» Я удивилась — такая квартира стоит дорого и быстро вряд ли продается бы, я ей так и сказала, но Ксанка настаивала, что срочно нужны деньги, мол, продай, за сколько возьмут, — Тарханова вынула папиросу, стряхнула пепел и устала на столбик, улегшись рядом с пепельницей. — У меня как раз появился клиент, сибирский бизнесмен какой-то, очень хотел квартиру в центре, я ему позвонила, назвала сумму — он аж завизжал, помню, рассчитывал-то на совсем другие деньги, а тут такой подарок, да еще с дизайнерским ремонтом. Он, правда, мужик порядочный оказался, накинул сверху пару лямов, так я все до копейки Ксанке на счет перевела, хотя она отказывалась.

— А почему отказывалась? — не понял Вовчик.

— Да головой потому что скорбная, говорю же, — вздохнула Маргарита. — Я так жалела, что у меня

в тот момент свободных денег вообще не было, я б сама забрала за ту цену.

— И Оксана не объяснила, почему так срочно и так дешево? Должна же быть причина для такого решения — ну, болезнь там какая-то или что-то еще? Чтобы срочно нужны были любые деньги?

— Да я не спрашивала — мне-то что? Я свою комиссию получила, — пожалала плечами Тарханова. — Она мне еще тогда в подарок притащила какую-то дрянь в бутылке — ей тараканов хорошо травить.

— Пихтовое масло? — уточнил Вовчик.

— Вроде. Бутылка красивая, а внутри — ну чистый дихлофос...

— А больше ничего Оксана не говорила? Не рассказывала о пихтах, например?

— Да я и не помню уже... Говорю же, она как неменяемая была, глаза какие-то потусторонние, улыбка дурацкая все время... я ведь ее давно знаю, она с моей младшей сестрой училась вместе, они часто у нас тусовались, пока студентами были. И тогда Ксанка была совершенно другой — спокойная девка, рассудительная, талантливая очень. В их группе, пожалуй, самая способная была, такие интерьеры рисовала — закачаешься. Я ей после выпуска предлагала совместно что-то замутить, но она отказалась, с Анжелкой Морозовой вроде открыли какое-то бюро дизайнерское, да разбежались потом.

— А почему, не знаете?